

ДАРЬЯ Н. ЧАГАНОВА¹

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

ORCID: 0000-0003-0098-3302

Понятия насилия и мира в феминистской критике войны

doi: 10.22394/2074-0492-2023-1-71-92

Резюме:

Статья анализирует характеристики ключевых понятий в феминистской теории мира и конфликтов — мира, конфликта и насилия. Под названием «феминистская критика войны» в данном исследовании обобщаются феминистская теория международных отношений, феминистские исследования мира (feminist peace research), феминистский миротворческий активизм (peace activism) и «обучение в духе мира» (peace education). Автор анализирует аргументы феминистской критики войны, сопоставляя их с базовыми построениями социологии конфликта, а также проекта микро- и макросоциологии американского социолога Р. Коллинза. В статье дается оценка уровня знакомства с феминистской традицией конфликта в отечественной социологии конфликта на дисциплинарном уровне. Вводятся и подробно рассматриваются в феминистской критике войны понятия «гендер», «повседневное насилие» и «мир в позитивном смысле» (positive peace). Гендер рассматривается как социальный и символический конструкт, который встроен в отношения власти в обществе и одновременно формирует их. Последние, в свою очередь, с необходимостью включают различные формы насилия: физического, сексуального, финансового, психологического и социального. Внимание также уделяется расширению феминистской призмы для освещения иных структур маргинализации: расы, класса, сексуальности, состояний физического/ментального здоровья. Из этой перспективы автор реконструирует проблему континуума насилия, поставленную в феминистской критике войны: конфликты глобального и регионального уровня рассматриваются как продолжение многообразных форм повседневного насилия, которые процветают и никак не наказываются в мирное время. Проблематизация «континуума насилия» позволяет рассматривать феминистскую критику войны и социологию конфликта как близкие парадигмы, что выражается в их общей задаче отследить связь повседневных социальных интеракций с глобальными конфликтами. Предполагается, что статья может послужить более плот-

71

1 Чаганова Дарья Николаевна — аспирантка 2-го курса по направлению обучения «Философия, этика и религиоведение» НИУ ВШЭ (Москва). Научные интересы: философия войны, европейская политическая философия Средних веков и Нового времени, социология и философия пространства. E-mail: d-chaganova@mail.ru

ному интеллектуальному — как концептуальному, так и методологическому — взаимодействию между феминистскими исследованиями мира и конфликтов и социологией конфликта.

Ключевые слова: социология конфликта, феминистская критика, феминистская социология, исследования мира и конфликтов, конфликтология, насилие, Р. Коллинз

Daria N. Chaganova¹

National Research University “Higher School of Economics”, Moscow, Russia

The Concepts of Violence and Peace in Feminist Critiques of War

Abstract:

The paper reviews the main concepts and methodological approaches of feminist peace and conflict theory. It reproduces and analyzes the arguments of feminist war critique, and critically relates them to the general theoretical assumptions of the sociology of conflict. The following spheres of feminist war critique are considered in their intersection with sociology of conflict: feminist international relations theory, feminist peace research, peace activism, and peace education. Moreover, the paper shows that there is an intellectual intersection of the feminist prism and R. Collins' project of micro- and macrosociology. It is argued that the level of awareness of the feminist tradition of conflict in Russian social studies is insufficient at the disciplinary level. The concepts of gender, everyday violence, and positive peace are introduced; their roles are investigated in the feminist war critique. Gender is considered a social and symbolic construct that both creates and is created by the social relations of power. Gender inequality in power, in its turn, produces various forms of violence (physical, sexual, financial, psychological, and social). Other structures of marginalization — race, class, sexuality, physical/mental (dis)abilities — are also taken into consideration. The continuity of the different forms of violence, as posed in the feminist war critique, is problematized: global and regional conflicts are seen as an extension of those diverse forms of violence that flourish during everyday social interactions. Thus, through the problematization of the “continuum of violence”, the paper conceptualizes the trend of feminist research (tracing the connection between everyday social interactions and global conflicts) as a common task of conflict sociology. The essay is intended to highlight the potential of both conceptual and methodological interchange between feminist war critique and conflict sociology.

Keywords: conflict sociology, feminist critique, feminist sociology, peace and conflict theory, violence, positive peace, R. Collins

1 Daria N. Chaganova — postgraduate student of the programme “Philosophy, ethics, religious studies” at HSE University (Moscow). Research interests: philosophy of war, European political philosophy of Middle Ages and early Modern era; sociology and philosophy of space. E-mail: d-chaganova@mail.ru

Постановка гипотезы. Феминистская критика войны в рамках социологии конфликта

Феминистская критика¹ как интеллектуальное движение стала большим вызовом для всех областей классического — как гуманитарного², так и естественнонаучного³ — знания: оформившись как интеллектуальное течение в 70-х гг. прошлого столетия, она инициировала пересмотр огромного количества аспектов социальной жизни: «науки, глобализации, прав человека, поп-культуры, [вопросов] расы и расизма»⁴ [McAfee 2018]. При этом феминистское интеллектуальное и политическое движение сфокусировано на насилии во всех его проявлениях. Если говорить о насилии на макроуровне — насилии во время глобальных и региональных военных конфликтов, — феминизм еще со времени движения суфражисток [Confortini 2012: 3; см., например: Addams et al. 2007: 131] был сопряжен с пацифизмом. После двух мировых войн эта тенденция значительно усиливается: во второй половине XX столетия, в то время как особое внимание теоретиков посвящено именно исследованиям войны и способам ее ограничения в соответствии с представлениями о справедливости [Walzer 1977], развивается феминистская критика войны, которая ставит вопрос о нравствен-

73

- 1 Следует отдельно поднять вопрос о статусе феминистской критики как направления исследований. С одной стороны, основу этого интеллектуального движения составляет критический потенциал — постановка классического вопроса (об истории, науке, философии, литературе и т. д.) с учетом новых данных или изменение вопроса как такового. С другой стороны, феминистская критика несет и некоторые черты теории — например, разрабатывает методологию исследований. Данный вопрос заслуживает отдельного исследования в рамках философии науки; в данной статье мы используем по отношению к феминистским исследованиям характеристики «критика», «традиция», «призма» и «парадигма». В зарубежных исследованиях часто встречается характеристика «критическая теория» [см.: Rhode 1990].
- 2 Наиболее крупным и известным течением в области гуманитарного знания является феминистская философия, или феминистская критика истории философии, которая направлена на исследование как роли и вклада женщин в различные философские вопросы (от метафизики и эпистемологии до вопросов о политике и праве), так и образа женщины в истории философии.
- 3 Благодаря феминистским исследовательницам в науке меняются представления о критериях объективности, а критика предпосылки о схожей анатомии человека вне зависимости от пола позволила осуществить существенные корректировки в бихевиоризме, нейробиологии и медицине в целом [Harding 2015].
- 4 Здесь и далее перевод мой. — Д. Ч.

ности войны как таковой и подвергает сомнению тезис о том, что насилие в социальной сфере может быть приемлемо как на макро-, так и на микроуровне. Предпосылка этого теоретического подхода может быть выражена словами Лоры Шёберг: «...в современной истории теория и практика войны [были сформированы] в рамках гендерного разделения, а аспекты, связанные с гендером, служат важными причинными и системообразующими факторами. <...> гендерная “нейтральность” [теории войны и международных отношений] скорее маскирует субординацию полов, нежели чудесным образом привносит гендерное равенство» [Sjöberg 2013: 3]. Феминистские ученые вносят методологические и концептуальные предложения, критикуя устоявшиеся парадигмы в теории международных отношений, философии и этике войны. В том числе феминистские исследовательницы ставят под вопрос актуальность и продуктивность теории справедливой войны — философской теории, которая многие десятилетия, вплоть до современности, представляла основную методологическую базу для рассмотрения глобальных и региональных конфликтов [Allhoff, Evans, Henschke 2013: 1-2; Peach 1994]. На фоне переосмысления проблемного поля и расширения философского вокабуляра влияние феминистской критики войны на философский дискурс становится очевидным, в то время как социология конфликтов как дисциплина оказывается теоретически разведена с феминистской парадигмой изучения конфликтов, несмотря на общность проблемного поля и потенциал интеллектуального взаимодействия.

74

Развитие феминистского интеллектуального движения привело к формированию нескольких академических (и политических) направлений, которые обобщаются нами как «феминистская критика войны». Отдельно стоит также упомянуть о феминистской критике/теории насилия [Frazer, Hutchings 2014; Vergès 2022], однако она сфокусирована скорее на внутренней политике и частных отношениях, в то время как феминистская критика войны проблематизирует как войны и другие конфликты глобального масштаба, так и повседневные социальные интеракции. Она включает в себя целый ряд направлений: феминистская критика (методология пересмотра тех или иных дисциплин, структур взаимодействия, событий и их описаний с целью освещения женского гендерного опыта и/или опыта других маргинализированных социальных групп), гендерная социология, феминистская теория международных отношений (*feminist international relations theory*) и, наконец, теория исследования мира и конфликтов (*feminist peace and conflict theory/studies*) [Confortini 2010/2017]. Несмотря на существенный вклад феминизма в конфликтологию, его зачастую рассматривают параллельно или обособленно от социологии конфликта.

Данное исследование ставит своей целью воспроизвести и связать между собой основные понятия и методологические предпосылки феминистской критики войны: гендер как социальный конструкт и как дискурс, формирующий отношения власти; расширение точки зрения (standpoint); конфликт и насилие; мир как состояние равенства и справедливости. Рассмотрение феминистской теории войны и мира в рамках социологии конфликта позволит прояснить аргументативные ходы первой, обратить особое внимание на ее конфликтологический потенциал, а также наметить зоны эффективного пересечения и взаимообмена этих исследовательских областей.

Данную статью стоит рассматривать как введение в феминистскую социологию конфликта. Мы не сможем подробно рассмотреть тонкости аргументации каждого отдельного феминистского учебного, однако мы предложим обобщение их основных методологических предпосылок: в статье мы, во-первых, проанализируем место концепта «гендер» в феминистской критике войны; во-вторых, проследим взаимосвязь между глобальными вооруженными конфликтами и насилием на микроуровнях; в-третьих, введем понятие «мира в позитивном смысле» в качестве ключевого концепта феминистской теории мира и конфликтов.

75

Феминистская критика войны как исследовательская программа

Как замечает американская исследовательница права и философии справедливости Катя Конфортини [Confortini 2010/2017], не все ученые феминистского течения называют полем своей деятельности конфликтологию, предпочитая риторически связывать себя с исследованиями мира (peace studies), миротворческим активизмом (peace activism) или «обучением миру», воспитанием «в духе мира» (peace education). Однако, так или иначе, каждая из этих областей необходимо включает элементы конфликтологии. И политически-ориентированные, и академические, и педагогические работы феминистского направления фокусируются на истоках социального конфликта, проблематизируя достижимость правового равенства, проводя критический анализ гендерной стратификации для снижения уровня насилия по отношению к маргинализированным группам [Jenkins, Reardon 2007: 221-222, 224], расширяя понятие мира и призывая как обучать этому взрослых [Weigert 1990: 312-330], так и воспитывать «в духе мира» детей [Baligadoo 2020: 155-175]. Общее устремление «обучения миру» основано на предпосылке Монтессори: «предотвращение конфликтов — работа политиков; утверждение же мира — задача образования» [Montessori 1992: 24].

Так, направление peace education пересекается сразу с несколькими отраслями социологии конфликта: с вопросами конфликта в образовательном процессе (оно стремится максимально снизить или вовсе исключить враждебность и конкуренцию во время обучения), с корректированием регулярных социальных интеракций и с вопросами ненасильственного урегулирования конфликтов. Наконец, все вышеперечисленные области феминистской критики войны формируют профессиональные сообщества, рассматривающие и распространяющие научное знание о самых актуальных вопросах социологии конфликта: социальные конфликты и механизмы их возникновения, развития и урегулирования; поиск оригинальных и конструктивных технологий разрешения конфликтов; нормализация различий людей по огромному количеству социально-экономических и психофизических признаков.

Ученые феминистского направления, как уже было сказано выше, проблематизируют насилие во всех его формах и связывают конфликты на макроуровне с повседневными практиками насилия, указывая на «порочный круг» насилия, который возможно разорвать, лишь начав с бытовых интеракций. Критический анализ общества направлен на патриархальную структуру, «которая [во всех своих разнообразных проявлениях] является источником как возникновения насильственных социальных конфликтов, так и неудач международного сообщества в попытках долгосрочного урегулирования этого насилия» [Enloe 2005: 281]. С точки зрения философии феминистская критика, сместив фокус на практики миротворчества и исследования мира (пусть и продолжая изучать природу, истоки и структуру конфликта), возвращает нас к идейному истоку самой философии войны — идее мира и ненасилия как нормального состояния. В других областях, в социологии и теории международных отношений, феминистские ученые также провели активную концептуальную и методологическую работу: в 80–90-е гг. выходят знаковые эссе «Еще не случившаяся в социологии феминистская революция» [Stacey, Thorne 1985] и «Сложные взаимоотношения между феминистками и теоретиками международных отношений» [Tickner 1997]. Это привело к развитию гендерной социологии; внимание ученых было обращено на то, что влияние гендерных стратегий на социальные и государственные процессы слабо изучено, а науке «в конвенциональных рамках» недостает критического отношения к предпосылкам наблюдателя и к общественным процессам в целом [Rosenberg, Howard 2008: 686]; в классическую социологию интегрируются точки зрения (standpoints) наблюдателей конвенционально не рассматриваемых до этого рас, пола, физических и ментальных состояний [Chafetz 1997: 100].

Несмотря на то что в феминистской критике в последние десятилетия происходит активный анализ и реконцептуализация актуальных понятий социологии и социально-политической философии, обсуждение вопросов и проблем войны с применением феминистской методологии сохраняет активность в основном в рамках самой феминистской парадигмы [см., например: Wibben et al. 2019]; как зарубежными, так и отечественными исследователями игнорируется разнообразие направлений и задач в феминистской критике войны. Например, британский профессор социальных наук У. Морган высоко оценивает потенциал феминистской призмы в анализе глобальных и региональных конфликтов и сам себя относит к движению peace education, однако он сводит феминистскую критику войны к движению, основной целью которого является «сделать женщин видимыми как в мирное время, так и в процессе войны» [Morgan, Guilherme 2020: 4]. Феминистская теория, разумеется, известна и в отечественной литературе, но проблематичный аспект ее изучения сохраняется: в научной среде есть корректное представление о ключевых идеях феминистских исследователей в области критики войны и насилия, однако они представлены наиболее общо. Встречаются характеристики, что «феминистские исследования» и «гендерные исследования» вполне можно использовать как взаимозаменяемые понятия [Виноградова 2010: 53], или что из оригинальных аспектов феминистской теории можно выделить видимость женщины, ее роли и способов взаимодействия с международным порядком и государством [см.: Алексеева, Лебедева 2006]. Так, несмотря на интерес к интеллектуальному потенциалу феминизма в «классической»¹ зарубежной философии и социологии, а также в отечественной школе, на дисциплинарном уровне феминистские исследования оказываются не связаны с социологией конфликта и конфликтологией в целом. А единичные попытки отечественных исследователей [Сергунин 2003; Алексеева, Лебедева 2006; Виноградова 2010] проследить и контекстуализировать аргументацию феминистской теории международных отношений или феминистской критики войны либо не заходят глубже наиболее общих тезисов, либо дают некорректное представление о природе гендера в феминистской парадигме².

77

1 Под «классическими» направлениями философии и социологии имеются в виду те направления, которые не руководствуются предпосылками о расширении «точки зрения», де- и постколониализации мышления (как в практике дисциплин, так и в изучении истории философии, социальной истории и истории социологии) или не считают эти предпосылки ключевыми.

2 Что, в свою очередь, приводит к доксографичным представлениям о феминистской гуманитарной программе как о едином списке общих для всех

В зарубежной исследовательской литературе можно встретить подробные разъяснения о диалоге между феминистской критикой и социологией в целом [см., например: Oakley 1972; Roseneil 1995; Rosenberg, Howard 2008], однако не наблюдается попыток связать феминистскую критику насилия с социологией конфликта. Эта дистанция между феминистской критикой и социологией конфликта лишь усиливается в отечественных как широкомасштабных, так и узкоспециализированных академических исследованиях и программах дисциплины. Фокус на социологии конфликта именно в форме дисциплины в нашем случае обусловлен тем, что она, во-первых, формирует специалистов в области социологии конфликта; во-вторых, закладывает горизонт вопросов социологии конфликта и поле возможных междисциплинарных взаимодействий направления; в-третьих, позволяет понять ожидания от социологии конфликта на государственном уровне и оценить заинтересованность в поставленной проблеме. С 90-х гг. ключевые учебные пособия, представляющие государственный образец для обучения социологии конфликта, или не упоминают вопрос расширения «точки зрения» (standpoint) в новейшей истории социологии [см.: Олейник 1992], или разделяют конфликтологический подход и гендерный вопрос [см.: Волков, Добренков 2003], или в принципе ставят вопрос социального конфликта в иные рамки [см.: Пронин 1993; Соколов 2001; Прошанов 2008]. Обычно в отечественной литературе упускается предложенный феминизмом метод подозрения в предрассудках (bias): указывается, что «...в основе конфликта между субъектами разного уровня лежат различные потребности, интересы и ценности» [Здравомыслов 1995: 103–104; Соломатина 2011: 107–108], однако это не сопровождается критическим анализом того, как именно последние формируются. Общей чертой как монографий и пособий, так и программ курсов является рассмотрение проблематики неравенства в отношении женщин в разделе семейной конфликтологии. Также наблюдается уже упомянутая тенденция: социология конфликта и феминистские стратегии полагаются как концептуально взаимосвязанные, но параллельные исследовательские области. Лакуна, обнаруженная нами в представлении феминистской парадигмы в отечественной социологии конфликта на дисциплинарном уровне, может свидетельствовать о том, что эта призма представляется перечисленным авторам не столь значимой для социологии конфликта, не связанной с изучаемой областью или же маргинализированной по идей-

течений предпосылок и ценностей. О понятии гендера мы говорим в разделе «Категория гендера в феминистских исследованиях конфликтов».

ным соображениям¹. Это повышает актуальность последовательного рассмотрения методологических предпосылок феминистской критики в рамках социологии конфликта, поскольку оно позволит учитывать современные тенденции в критике конфликтов и более комплексно представить картину «континуума» насилия на микро- и макроуровнях.

Так, феминистская критика войны включает в себя многообразные направления, среди которых мы особенно хотели бы выделить феминистскую теорию международных отношений, феминистские исследования мира и конфликтов, миротворческий активизм и обучение в духе мира. Несмотря на то что не все ученые феминистского направления предпочитают связывать себя с изучением войн и других конфликтов, конфликт как необходимый элемент социальных отношений так или иначе привлекает внимание данного течения. В связи с этим феминизм предлагает новые методологические ходы в социологии и теории международных отношений, а также оригинально концептуализирует такие ключевые для социологии конфликта понятия, как «насилие» и «мир».

Категория гендера в феминистских исследованиях конфликтов

79

Следует упомянуть, что уже большим обобщением будет говорить о феминистской критике как о целом: в зависимости от идейных течений внутри системы призма исследования может значительно меняться. «У *феминизмов*² разные приоритеты: большинство феминисток Первого [капиталистического] мира считают правовое равенство и репродуктивные права ключевыми... целями борьбы, тогда как активистки Третьего [постколониального] мира выделяют колониализм и империализм как основные препятствия» [Кутелева 2022: 18]. Встречаются и совершенно различные и даже противоположные концептуализации одного из ключевых понятий — гендера, в зависимости от представлений о (взаимо)обусловленности гендера и пола [см.: Warnke 2008]. Среди основных пози-

- 1 Отечественные исследования, представляющие феминистскую призму в социологии, требуют отдельного внимания и не будут затронуты в рамках данного исследования, в рамках нашей работы кажется достаточным описать общий курс русскоязычной социологии конфликта как дисциплины.
- 2 Иногда ученые и активисты феминистского направления настолько по-разному трактуют ключевые положения и цели течения и определяют основные понятия феминистского дискурса, что исследователи предпочитают даже говорить о «феминизмах»: «Феминизма в единственном числе не существует» [Кутелева 2022: 22].

ций, касающихся гендера и его характеристик, можно выделить эссенциализм, согласно которому гендер человека обуславливает *общие* признаки какой-либо гендерной группы и/или конституирует характеристики *индивида* как участника социальных отношений, и антиэссенциализм. Вторая позиция выдвигает аргументы: 1) от социального конструирования реальности (нельзя выделить «общие» характеристики для того или иного гендера, поскольку они меняются в зависимости от времени, культуры и других социальных идентичностей: расы, класса, сексуальности и т. д.); 2) от исключения (любое обобщение «гендерных» черт не будет включать определенных индивидов/социальные группы); и 3) онтологический аргумент (нет единой социальной бытийности индивида, связанной с гендером: она выбирается и переконструируется) [см.: Witt 2011: 5–11, 25–26; Spelman 1988: 50–53].

80

Поэтому ясно, что при широком структурном, целевом, политическом и концептуальном разнообразии подходов внутри феминистской критики войны возможно было бы найти представление, которое мы встречаем в изложении отечественных исследователей: «...мужчины *по определению* не способны устроить общество на принципах мира и стабильности» [Сергунин 2003: 51] или «эгоистическое поведение государства на международной арене выражает не что иное, как *сугубо мужскую* агрессивность» [Виноградова 2010: 58]. Действительно, в общем смысле феминизм нацелен на переосмысление роли и образа женщины в современном мире с установкой на достижение гендерного равенства, однако магистральной тенденцией в феминистской мысли, несмотря на разнообразие течений, является фундаментальное несогласие с установками биологического детерминизма (социальные функции, роли и проявления формируются в зависимости от чисто физиологических факторов в различии полов). Феминистская традиция основывается на предпосылке, что категория гендера носит исключительно *социальный* характер: «...гендер — это не принадлежность к какому-либо биологическому полу. Наоборот, гендер представляет собой систему символических учреждений, которая создает социальные иерархии, основанные на представлениях о мужских и женских характеристиках» [Sjoberg 2009: 3]. Таким образом, гендер как структурный элемент социальной и политической жизни подчеркивает не биологические различия между мужчинами и женщинами, а отражает устоявшиеся представления о социальных ролях, моделях поведения и формах взаимодействия мужчин и женщин.

Также гендер определяется как «социальный и символический конструкт, основанный на [демонстрируемых и] воспринимаемых или действительных половых отличиях и служащий основанием для формирования и соблюдения отношений власти в обществе» [Confor-

tini 2010/2017] и «логика, которая обусловлена и сама обуславливает представления о насилии и безопасности» [Shepherd. Цит. по: Sjoberg 2013: 46]. Наряду с расой, национальностью и классом феминистская традиция предлагает рассматривать гендерное различие как «один из видов властных отношений, служащий ключевым элементом для анализа международных процессов» [Steans 1998: 5]. Гендер формируется посредством социальных практик и зависит от гендерных ожиданий и от структур социализации в той или иной культуре. В связи с этой установкой следует заключить, что в феминистской призме качества людей того или иного гендера являются не следствием половых различий, но результатом воспитания и самостоятельного формирования в рамках культурных и социальных ожиданий: соответственно, характеристики и модели поведения людей трактуются феминистскими учеными как следствие социального обучения тому, что в обществе считается уместным, нормальным и ожидаемым поведением мужчины и женщины [Sjoberg, Gentry 2011: 180–182]. Социальные отношения власти непостоянны и различны в зависимости от региона и времени, а также могут быть деконструированы [Goldstein 2001: 2], а вместе с ними и дихотомия ценностей и ожиданий, которые поддерживают культурно-социальные представления о мужских «силе» и «агрессивности» и женских «слабости» и «миролюбии» [Via 2010: 43]. За описанными характеристиками, в свою очередь, также стоят отношения власти. Категория гендера влияет и на выстраивание публичного дискурса, который может занять властную или маргинальную позицию. Уже на уровне стратегии исследований конфликта «феминными» называются дискурсы, которые стремятся к миротворческим практикам и осмыслению мира после окончания войны (в связи с «женскими» характеристиками — мягкостью, эмоциональностью, слабостью), в то время как «маскулинными» — рассуждения о войне и ее условиях (в связи с «силой» и «решительностью» мужчин) [Petersen 2021: 28–29]. Одним из примеров действия подобных установок в военное время являются «гендерные стратегии»: сами мужчины как участники боевых действий должны предстать в определенной, «мужской», роли: героическими освободителями, солдатами, отцами и мужьями, но к их психологическому портрету не могут применяться описания переживаний или страха (все это выстраивается на основании представлений о «феминных» или «гомосексуальных» чертах) [Hooper 2001: 70–72]. Феминистские исследовательницы заключают: «Дифференцированные половые и гендерные идентичности и роли, ассоциирующие мужчин с насилием, а женщин с воспитанием детей, ненасилием и/или пассивностью, следует понимать как социально сконструированные [в результате] исторических условий» [Frazier, Hutchings 2014: 24]. Корректное конструирование как реальности, так и истории во всем их разнообразии требует расширения гендерного

дискурса, что позволит показать, что женщины и мужчины могут быть связаны с многообразными поведенческими стратегиями и ролями в военное время.

Исследования, ставящие своей целью дать более широкое представление о связи войны и гендера, можно условно классифицировать как две стратегии: феминистские исследования *genetivus objectivus* и *genetivus subjectivus*. Первая стратегия ставит своей целью исследовать разнообразные и социально неукорененные роли женщин в рамках конфликтов. Феминистская критика войны обращает внимание на то, что образ военных, защищающих в глобальных вооруженных конфликтах «уязвимые» группы граждан — женщин и детей, — является скорее фантазией, поскольку в войнах конца XX века было отмечено поразительное количество смертей именно среди гражданского населения, а также случаев сексуального насилия по отношению к женщинам [Тикнер 2006: 123–126]. «Женские» роли, таким образом, оказываются закреплены в мире гражданского населения, что лишает женщин агентности, если дискурс касается военных действий: «...ассоциирование [насилия с определенным гендером] социально сконструировано, <...> необходимо исследовать также связь феминности и насилия» [Frazier, Hutchings 2014: 9]. Феминистские ученые фиксируют и исследуют истории о комбатантках и участницах революций [Confortini 2010/2017; Waller, Rycenga 2005: 114–120; Jacoby 2010], медицинских работницах, работницах снабжения, патриотических матерях солдат именно в парадигме войны [Enloe 2000: 35–40, 235–288]. Также особой тенденцией феминистской критики является внимание к растущему количеству сексуального насилия по отношению к женщинам и выполнение ими функции секс-работниц во время войны [Enloe 2000: 49–153]. Одной из целей феминистских исследований становится разрушение ассоциации мужчин с насилием, а женщин — с ненасилием: привлекается внимание к женщинам-военным, преступницам, террористкам [Sjoberg, Gentry 2007, 2011]. Говоря о женщинах-военных, феминистки критикуют «двойные стандарты», когда от женщины ожидают, что она одновременно будет хорошо выполнять военный долг и сохранять конформные феминные черты во внешности [Sjoberg, Via 2010: 44].

Вторая стратегия заключается в выстраивании «женской» истории и ставит вопрос: глазами какого наблюдателя рассказываются истории войн?¹ Внимание обращается к «маскулинному легити-

1 Поэтому в том числе выше приведена трактовка гендера не только как социального конструкта, но и определенного дискурса, определяющего рамки насилия/безопасности.

мизирующему» дискурсу, который выделяет одни значимые аспекты — битвы, героические поступки, завоевания и подписания договоров — и забывает о других [Sjoberg 2013: 49, 120–122]. В то время как в исследованиях глобальных конфликтов есть тенденция обращать внимание на потери с обеих сторон, на физические увечья или психологический урон от военных действий, а также на разрушение городских ландшафтов и потерю ценных объектов культурного наследия, травму массового сексуального насилия принято замалчивать. Культура замалчивания укоренена в повседневной жизни и связана с ожиданиями, которое предъявляет общество к женщинам, в то время как игнорирование такого преступления, как изнасилования в военное время, связано с тем, что оно обесценивается по сравнению с потерей здоровья или жизни и признается политиками «несправедливым, но неизбежным» [Weaver 2010: 2–3].

Проблема сексуального насилия во время конфликтов в феминистской критике войны, с одной стороны, связывается с гендерной дискриминацией, с другой — с континуумом различных форм насилия, чему мы уделим внимание в следующем разделе. Гендер характеризуется как символический конструкт и дискурс, создающий и одновременно созданный социальной иерархией и представлениями о мужском и женском, безопасности и справедливости. Феминистские ученые проблематизируют гендерную нейтральность различных дисциплин, исследующих конфликт, и вносят понятие гендера как категории, которая может изменить представления об истории (в том числе об истории войн) и расширить точку зрения, с которой рассказывается история.

83

Концепт насилия на микро- и макроуровнях

Анализ механизма сексуального насилия в военное время, выявляющий его глубинную связь с легальными бытовыми практиками мирной жизни, служит ярким примером того, как феминистская теория конфликта прослеживает континуум насилия между микро- и макроуровнем, ведь высокий уровень насилия во время глобальных и региональных конфликтов глубинно связывается с повседневными правовыми структурами мирного времени. Феминистская критика войны и насилия апеллирует к понятию континуума насилия — континуальности, перетекания разнообразных форм насилия на глобальном и повседневном уровнях, включая и войну [Sjoberg 2013: 39; Confortini 2010/2017]. Радикальный феминизм прослеживает, как закон делает женщин невидимыми — сначала на повседневном уровне, а потом и в военное время — через различие степени ущерба между потерей жизни, конечности,

здоровья и претерпеванием сексуального насилия [Peach 2005: 58–72]. Исследовательницы критикуют правовую практику, следящую за соблюдением *буквы закона*, который, в свою очередь, построен на несправедливых основаниях, угнетающих женщину и развязывающих руки домашним насильникам [Ibid.: 59]. Критический аргумент направлен на существующую систему закона, который может помочь только в случаях «видимого», физического насилия, в то время как иные структуры угнетения — финансового, психологического и социального — труднее отследить, они остаются вне действия правил и продолжают причинять вред жертве [Ibid.: 68]. Военные же преступления оказывается отследить еще труднее. На этом этапе мы можем проследить, как феминистские ученые вводят новую методологическую предпосылку в теорию конфликта, связывающую повседневное насилие с массовым насилием во время войны. Здесь нужно отметить глубокое пересечение механизма социологии конфликта, предложенного Р. Коллинзом, и феминистской идеи континуума насилия. Рэндалл Коллинз определяет социологию конфликта как «область социологии, которая исследует структуры стратификации и иерархии для объяснения социальных феноменов» [Collins 1990: 72]. В системе Коллинза структуры иерархии и господства, конфликт и насилие находятся в плотной взаимосвязи и взаимообуславливают друг друга [Коллинз 2009: 127–129]. Идея того, что макросоциальные отношения имеют основания в бытовых интеракциях, играет значительную роль в его социологии конфликта: «...микро- и макро- [уровни] не предстают как отдельные друг от друга области социальной реальности, <...> но представляют собой части пространственно-временного континуума социальной реальности»¹ [Rössel, Collins 2006: 509]. Р. Коллинз добавляет: «[Перспектива конфликта] указывает только на верхнюю часть айсберга: зримые события революций, войн, социальных движений. Но эта позиция имеет в виду равным образом и повседневные структуры господства» [Коллинз 2009: 61]. Эта интуиция является общей для социологии конфликта и феминистской критики войны.

Феминистские исследовательницы интерсекционального и деколонизального направлений указывают, что наряду с гендером повседневное насилие зависит и от других маргинализирующих факторов: «...женщина не становится жертвой угнетения просто потому, что она женщина; то, каким формам угнетения она подвергается, зависит от того, “какая именно” перед нами женщина: [...какой она] расы, класса, религии, сексуальной ориентации» [Spelman 1988: 52]. Концептуализация насилия существенно расширяется и полагает его в каче-

1 Здесь и далее курсив мой. — Д. Ч.

стве постоянного спутника структур господства. Позиция интерсекционального феминизма указывает на десятки способов угнетения маргинализированных социальных групп — людей отдельных рас, классов, типов сексуальности, состояний физического/ментального здоровья. В военное время эти группы гораздо больше подвержены риску [Confortini 2010/2017]. В то время как теория войны направлена на то, чтобы закончить вооруженный конфликт, феминистская критика позволяет указать на континуум насилия. Расширяется само представление о конфликте, протекающем в других, более «спокойных» и повседневных формах на фоне расового, гендерного, классового и другого неравенства. Таким образом, хотя гендер как категория, маркирующая «властный» и «маргинальный» дискурсы, выступает в качестве главной призмы для феминистского анализа войны и насилия, исследовательницы указывают, что параллельно основанием для угнетения служат иные маргинализирующие факторы: раса, класс, сексуальность и физическое/ментальное состояние.

Так, одной из ключевых схожих черт феминистской критики войны с социологией конфликта нам представляется тенденция проследить насилие как континуум, включающий в себя как бытовые взаимодействия, так и конфликты глобальных масштабов. Мы продемонстрировали, как различные направления феминизма связывают насилие во время войн и других крупных конфликтов с повседневными структурами угнетения. Анализируя феминистскую критику войны в рамках социологии конфликта Р. Коллинза, можно отнести это течение к традиции конфликта, которая обращает внимание на последствия социальной иерархии на микроуровне.

85

Насилие и понятие «мира в позитивном смысле»

Опираясь на понимание мира в строгом смысле слова — как состояния безопасности, справедливости и социального равенства — феминистская критика не разделяет «военное» и «мирное» время как противоположности. Мир полагается полем конфликта с применением насилия, пока в нем не наблюдается развития правовой справедливости и отсутствия насилия в любых его формах [Wibben et al. 2019: 86–107]. Концепт континуума насилия указывает на переход повседневных форм угнетения в более глобальные, что имеет двоякие последствия: с одной стороны, смещенная грань между насилием и безопасностью нормализует применение насилия для разрешения конфликтов и в этом смысле быстрее приводит к эскалации конфликта, с другой — военный опыт обесценивает то угнетение, с которым повседневно сталкиваются люди маргинализированных групп. Вооруженный конфликт, утверждают иссле-

довательницы, концептуализируется как страшное преступление, поскольку во время войны особенно заметны разрушительные действия от разных видов насилия, однако наступление мира не гарантирует того, что насилие в меньшем масштабе будет замечено и справедливо наказано [см.: Wibben et al. 2019]. Здесь в качестве части peace education вновь выступает расширение дискурсивных практик: считается, что необходимо освещать лично переживаемое насилие, ведь это позволит избежать ошибочных представлений о безопасном «мире», поскольку насилие и представление о мирном состоянии концептуально взаимосвязаны [Ibid.: 98].

Схема континуума насилия обращает фокус феминистских исследователей на миротворческие практики, поскольку первостепенной задачей становится максимально снизить уровень конфликтов с применением насилия в быту. Данное концептуальное замечание является системообразующим для всей феминистской критики войны: в то время как насилие на войне являет себя трагично и торжественно, ежедневное насилие может скрадываться за общечеловеческими образами трагедии и законом, который не фиксирует — и, соответственно, не может наказать — все разнообразие форм угнетения, которым подвергаются маргинализированные слои общества. Поэтому ученые работают над тем, чтобы расширять общественные представления о насилии. Проиллюстрируем это междисциплинарным исследованием, проведенным в африканских деревенских школах. Социологи Ю. Омар и А. Бадрудин заявляют, что в африканских школах в эпоху постапартеида произошли некоторые изменения к лучшему, однако формальный отказ от сегрегации не может уберечь от других, невидимых форм насилия [Omar, Badroodien 2020: 175]. В то время как учителя в школах рассуждают о мире и справедливости, о равенстве всех людей, в школе довольно часто встречаются многообразные формы притеснения из-за оттенка кожи, гендера, возраста или района проживания учеников. Хотя речь не идет о войне или убийствах, уровень психологического давления, с которым встречаются учащиеся, довольно высок. Данное исследование предлагает пример того, как конфликтная среда, включающая различные формы повседневного насилия, формирует у взрослых и детей многообразные и конкурирующие представления о «долгом и справедливом мире» [Omar, Badroodien 2020: 196].

Таким образом, методология феминистской критики расширяет концептуальные рамки насилия и связывает множественные и разнообразные микроконфликты с их эскалацией во время военных действий. Идея мира в позитивном смысле (positive peace) заключается в том, что теоретикам и политикам недостаточно просто заключить мирный договор и прописать практики post bellum: достижение подобного мира возможно только в том случае, если

будет вестись активная работа по неспособствованию конфликтам, являющимся следствием социального неравенства [Wibben et al. 2019: 98–99]. Одним из первых шагов в этом направлении и являются упомянутое выше направление «обучения в духе мира» и феминистская критика, которая исследует взаимосвязь насилия и гендерных отношений власти через расширение «точки зрения»: «...учитывание женского опыта расширяет масштабы миротворчества, поскольку их деятельность направлена на трансформацию конфликта в психосоциальных, семейных и духовных, а также политических и экономических аспектах» [El-Bushra 2007: 138].

Введение понятия «невидимого» насилия для анализа повседневности и необходимость учитывать точки зрения маргинализированных слоев населения снимает жесткое противопоставление между глобальным конфликтом и мирным состоянием, ставя перед теоретиками необходимость более детально прорабатывать критерии мира и справедливости. Таким образом, с одной стороны, ответственность за мирное состояние ложится не только на плечи политиков и дипломатов, но и воспитателей, ученых и родителей; с другой — не выносятся требование не вести войны в целом, поскольку они в некотором смысле являются частью континуума насилия, которое, в свою очередь, проистекает из структур гендерной, расовой и иной властной иерархии. Феминистская критика войны предлагает концепт мира «в позитивном смысле» вместо мира как отсутствия активной военной фазы — мира «в негативном смысле» [Confortini 2012: 5–7].

87

Заключение

В данной статье мы представили основные понятия феминистской критики войны (которая включает в себя различные направления, в том числе феминистскую теорию международных отношений, исследования мира и конфликтов, миротворческий активизм и обучение «в духе мира»): гендер в контексте социального конфликта, конфликт и насилие, мир и безопасность. Помимо гендера в качестве категорий, обуславливающих отношения власти, были упомянуты раса, национальность, класс, состояния физического и ментального здоровья. Мы предложили выделить в феминистских исследованиях две стратегии: стратегию *genetivus objectivus* (труды, расширяющие представления о «феминности» и о роли женщин в конфликтах различного масштаба) и стратегию *genetivus subjectivus* (исследования, предлагающие переосмыслить те или иные события с точки зрения представителей маргинализированных слоев). Особое внимание мы уделили таким концептуальным предложениям феминистской критики войны, как мир «в позитивном смысле» и континуум насилия.

Феминистский подход, позволяющий проследить связь насилия в повседневных социальных интеракциях с глобальными конфликтами, разделяет свои основные предпосылки с социологией конфликта. Среди них можно назвать стремление рассматривать конфликты на микро- и макроуровне как взаимосвязанные и взаимообуславливаемые и тенденцию характеризовать конфликт как следствие социальной иерархии и различных властных структур (в которые включены гендер, сексуальность, раса, класс, физические/ментальные состояния и прочие). Помимо этого, феминистские ученые рассматривают конфликт как необходимый и способный привести к прогрессу элемент человеческих отношений [Wibben et al. 2019: 87]. Также мы пронаблюдали, что феминистские исследования войны и мира имеют пересечения с проектом микро- и макросоциологии, предложенным Р. Коллинзом, и вливаются в «перспективу конфликта» [Коллинз 2009: 61–63]. Их общей с социологией конфликта задачей является выявление и критика иерархических и идеологических социальных структур, за которыми могут скрываться реальные интересы тех или иных господствующих групп. Методологические предпосылки и способы концептуализации конфликта и насилия, продемонстрированные нами в их взаимосвязи, позволяют оценить, как феминистская критика войны может обогатить исследования войны и мира в целом.

Постоянная критическая работа с концептуальным аппаратом и внимание к менее глобальным формам социальной жизни обеспечивают феминистскую теорию мира и конфликтов широкой базой для методологического и идейного взаимообмена с социологией конфликта. Схема континуума разнообразных и взаимосвязанных форм насилия — не только физического, но и психологического, финансового, социального и прочего — показывает, что концептуальное противоречие войны и мира устарело, и сегодня перед исследователями может быть поставлена задача по критике насилия в его самом широком понимании, нежели в наиболее заметных и эскалированных формах.

Библиография / References

Алексеева Т. А., Лебедева М. М. (2006) «Женщина-невидимка» в мировой политике: уроки для России. Тикнер Дж. Э. *Мировая политика с гендерных позиций. Проблемы и подходы эпохи, наступившей после «холодной войны»*. Д. И. Полывянный (ред.), М.: Культурная революция: 7–22.

— Alekseeva T. A., Lebedeva M. M. (2006) “Invisible” Woman in the Global Politics. Tickner J. A. *Gender in International Relations. Issues and Approaches in the Post-Cold War Era*. D. I. Polyvyanny (ed.), Moscow: Kulturnaya Revolyuciya Publ: 7–22. — in Russ.

Виноградова С. М. (2010) Государство, безопасность, суверенитет: международные отношения в зеркале феминизма. *Политическая экспертиза*, 6 (4): 53–67.

— Vinogradova S. M. (2010) State, Security, Sovereignty: International Relations in the Prism of Feminism. *Political expertise: POLITEX*, 6 (4): 53–67. — in Russ.

Волков Ю. Г., Добренчиков В. И., Нечипуренко В. Н., Попов А. В. (ред.) (2003) *Социология*, М.: Гардарики.

— Volkov Yu. G., Dobren'kov V. I., Nechipurenko V. N., Popov A. V. (eds.) (2003) *Sociology*, Moscow: Gardariki. — in Russ.

Здравомыслов А. Г. (1995) *Социология конфликта: Россия на путях преодоления кризиса: Учебное пособие*. 2-е изд., М.: Аспект Пресс.

— Zdravomyslov A. G. (1995). *Sociology of Conflict: Russia on its Ways to Ivercome the Crisis*. 2nd Ed, Moscow: Aspect-Press. — in Russ.

Коллинз Р. (2009) Четыре социологических традиции / Пер В. Россмана, М.: Издательский дом «Территория будущего».

— Collins R. (2009) Four Sociological Traditions / Trans. By V. Rossman, Moscow: “Territoriya budushchego” Publ. — in Russ.

Кутелева А. В. (2022) Множественность феминизма: синтезы локальности и универсальности. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*, 24 (1): 16–24.

— Kuteleva A. V. (2022) The Multiplicity of feminism: Syntheses of the Local and the Universal. *RUDN Journal of Political Science*, 24 (1): 16–24. — in Russ.

Пронин С. В. (ред.) (1993) *Социальные конфликты в современном обществе*, М.: Наука.

— Pronin S. V. (ed.) (1993) *Social Conflicts in Modern Society*, Moscow: Nauka. — in Russ.

Прошанов С. Л. (2008) *Социология конфликта в России: История, теория, современность*, М.: Издательство ЛКИ.

— Proshanov S. L. (2008) *Sociology of Conflict in Russia: History, Theory, Modernity*, Moscow: LKI Publ. — in Russ.

Сергунин А. А. (2003) *Российская внешнеполитическая мысль: проблемы национальной и международной безопасности*, Нижний Новгород: НГЛУ.

— Sergunin A. A. (2003) *Russian Foreign Policy Thought: Problems of National and International Security*, Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod State Linguistic University. — in Russ.

Соколов С. В. (2001) *Социальная конфликтология: Учеб. пособ. для вузов*, М.: ЮНИТИ.

— Sokolov S. V. (2001) *Social Conflict Theory: A Guideline for Universities*, Moscow: UNITY Publ. — in Russ.

Соломатина Е. Н. (2011) *Социология конфликта: Учебное пособие для вузов*, М.: Академический проект; Альма Матер.

— Solomatina E. N. (2011) *Sociology of Conflict: A Guideline for Universities*, Moscow: Academic Project; Alma Mater Publ. — in Russ.

Тикнер Дж.Э. (2006) *Мировая политика с гендерных позиций. Проблемы и подходы эпохи, наступившей после «холодной войны»* / Пер. с англ. Д. И. Полювянного (ред.), М.: Культурная революция.

— Tickner J. A. (2006) *Gender in International Relations. Issues and Approaches in the Post-Cold War Era*. D. I. Polyvyanny (ed.), Moscow: Kulturnaya Revolyuciya Publ. — in Russ.

Addams J., Carroll B. A., Fink C. F. (2007) *Newer Ideals of Peace*, Urbana: University of Illinois Press. First published 1907.

Allhoff F., Evans N. G., Henschke A. (eds.) (2013) *Routledge Handbook of Ethics and War. Just War Theory in the twenty-first century*, New York, London: Routledge.

Baligadoo P. D. (2020) Learning for Peace: The Montessori Way. Morgan W. J., Guilherme A. (eds.) *Peace and War: Historical, Philosophical, and Anthropological Perspectives*, Springer, Palgrave Macmillan: 155–175.

Chafetz J. S. (1997) Feminist Theory and Sociology: Underutilized Contributions for Mainstream Theory. *Annual Review of Sociology*, 23: 97–120.

Collins R. (1990) Conflict Theory and the Advance of Macro-historical Sociology. Ritzer G. (ed.) *Frontiers of Social Theory: The New Syntheses*, Columbia: Columbia University Press: 68–87.

90

Confortini C. C. (2012) *Intelligent Compassion: Feminist Critical Methodology in the Women's International League for Peace and Freedom* // Oxford Studies in Gender and International Relations. Illustrated Edition, Oxford: Oxford University Press.

Confortini C. C. (2010/2017) Feminist Contributions and Challenges to Peace Studies. Denmark R. A., Marlin-Bennett R. (eds.) *The International Studies Encyclopedia*. URL: <https://doi.org/10.1093/acrefore/9780190846626.013.47>

El-Bushra J. (2007) Feminism, Gender, and Women's Peace Activism, *Development and Change*, 38 (1): 131–147.

Enloe C. (2000) *Maneuvers: The International Politics of Militarizing Women's Lives*, Berkeley: University of California Press.

Enloe C. (2005) What if Patriarchy Is the Big Picture? An Afterword. Mazurana D. E., Raven-Roberts A., Parpart J. L. (eds.) *Gender, Conflict, and Peacekeeping*, Lanham: Rowman & Littlefield: 280–283.

Frazer E., Hutchings K. (2014) Feminism and the Critique of Violence: Negotiating Feminist Political Agency. *Journal of Political Ideologies*, 19 (2): 143–163.

Goldstein J. S. (2001) *War and Gender: How Gender Shapes the War System and Vice Versa*, Cambridge: Cambridge University Press.

Harding S. (2015) *Objectivity and Diversity: Another Logic of Scientific Research*, Chicago: University of Chicago Press.

Hooper C. (2001) *Manly States: Masculinities, International Relations, and Gender Politics*, New York: Columbia University Press.

Jacoby T. A. (2010) Fighting in Feminine: The Dilemmas of Combat Women in Israel, Sjoberg L., Via S. (eds.) *Gender, War, and Militarism. Feminist Perspectives*. Foreword by C. Enloe, Praeger: Praeger Security International: 80–91.

- Jenkins T., Reardon B. A. (2007) Gender and Peace: Towards a Gender-Inclusive, Holistic Perspective. Weibel C., Galtung J. (eds.) *Routledge Handbook of Peace and Conflict Studies*, London: Routledge: 209–231.
- McAfee N. (2018) Feminist Philosophy. Edward N. Zalta E. N. (ed.) *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* (Fall 2018 Edition). URL: <https://plato.stanford.edu/archives/fall2018/entries/feminist-philosophy/>
- Montessori M. M. (1992) *Education for Human Development: Understanding Montessori*, Oxford: Clio Press.
- Morgan W. J., Guilherme A. (eds.) (2020) *Peace and War: Historical, Philosophical, and Anthropological Perspectives*, Springer, Palgrave Macmillan.
- Oakley A. (1972) *Sex, Gender and Society*, London: Temple Smith.
- Omar Yu., Badroodien A. (2020) Peace and Violence in Poor Rural Schools in Post-Apartheid South Africa. Morgan W. J., Guilherme A. (eds.) *Peace and War: Historical, Philosophical, and Anthropological Perspectives*, Springer, Palgrave Macmillan: 175–199.
- Peach L. J. (1994). An Alternative to Pacifism? Feminism and Just-War Theory. *Hypatia*, 9(2): 152–172.
- Peach L. J. (2005) Is Violence Male? The Law, Gender, and Violence. Waller M. R., Rycenga J. (eds.) *Frontline Feminisms: Women, War, and Resistance*, New York: Routledge, 58–72.
- Pettersen T. (2021) Feminist Care Ethics: Contributions to Peace Theory. Väyrynen T., Parashar S., Feron E., Confortini C. C. (eds.) *Routledge Handbook of Feminist Peace Research*, New York, London: Routledge: 28–39.
- Rhode D. L. (1990) Feminist Critical Theories. *Stanford Law Review*, 42(3): 617–638.
- Rosenberg K. E., Howard J. A. (2008) Finding Feminist Sociology: A Review Essay. *Signs*, 33 (3): 675–696.
- Roseneil S. (1995) The Coming of Age of Feminist Sociology: Some Issues of Practice and Theory for the Next Twenty Years. *The British Journal of Sociology*, 46 (2): 191–205.
- Rössel J., Collins R. (2002). Conflict Theory and Interaction Rituals. The Microfoundations of Conflict Theory. Turner J. H. (ed.) *Handbook of Sociological Theory*, New York: Kluwer Academic/Plenum Publishers: 509–532.
- Sjoberg L. (2009) Introduction. Sjoberg L. (ed.) *Gender and International Security. Feminist Perspectives*, London and New York: Routledge.
- Sjoberg L. (2013) *Gendering Global Conflict: Toward a Feminist Theory of War*, New York: Columbia University Press.
- Sjoberg L., Gentry C. E. (2007) *Mothers, Monsters, Whores. Women's Violence in Global Politics*, London & New York: Zed Books.
- Sjoberg L., Gentry C. E. (eds.) (2011) *Women, Gender, and Terrorism*, Athens & London: The University of Georgia Press.
- Sjoberg L., Via S. (eds.) (2010) *Gender, War, and Militarism. Feminist Perspectives*. Foreword by C. Enloe, Praeger: Praeger Security International.
- Spelman E. (1988) *Inessential Woman: Problems of Exclusion in Feminist Thought*, Boston: Beacon Press.

Stacey J., Thorne B. (1985) The Missing Feminist Revolution in Sociology. *Social Problems*, 32 (4): 301–316.

Steans J. (1998) *Gender and International Relations: An Introduction*, New Brunswick, NJ: Rutgers University Press.

Tickner J. A. (1995) Introducing Feminist Perspectives into Peace and World Security Courses. *Women's Studies Quarterly*, 23(3/4): 48–57.

Tickner J. A. (1997) You Just Don't Understand: Troubled Engagement Between Feminists and IR Theorists. *International Studies Quarterly*, 41 (4): 611–632.

Väyrynen T., Parashar S., Feron E., Confortini C. C. (eds.) (2021) *Routledge Handbook of Feminist Peace Research*, New York, London: Routledge.

Vergès F. (2022) *A Feminist Theory of Violence. A Decolonial Perspective*/Trans. by M. Thackway, London: Pluto Press.

Via S. (2010) Gender, Militarism, and Globalization: Soldiers for Hire and Hegemonic Masculinity. Sjoberg L., Via S. (eds.). *Gender, War, and Militarism. Feminist Perspectives*. Foreword by C. Enloe, Praeger: Praeger Security International.

Waller M. R., Rycenga J. (eds.) (2005) *Frontline Feminisms: Women. War, and Resistance*, New York: Routledge.

Walzer M. (1977) *Just and Unjust Wars. A Moral Argument with Historical Illustrations*. First edition, New York: Basic Books.

Warnke G. (2008) Rethinking Sex and Gender Identities. Warnke G. *After Identity: Rethinking Race, Sex and Gender*, Cambridge: Cambridge University Press: 153–187.

Weaver G. M. (2010) *Ideologies of Forgetting. Rape in the Vietnam War*, New York: University of New York Press.

Weigert K. M. (1990) Experiential Learning and Peace Education: On Visiting Greenham Common Women's Peace Camp. *Peace and Change*, 15 (3): 312–330.

Wibben A. T., Confrontini C. C., Roohi S., Aharoni S. B., Vastapuu L., Vaittinen T. (2019) Collective Discussion: Piercing-Up Feminist Peace Research. *International Political Sociology*, 13 (1): 86–107.

Witt C. (2011) *The Metaphysics of Gender*, Oxford: Oxford University Press.

Рекомендация для цитирования:

Чаганова Д. Н. (2023) Понятия насилия и мира в феминистской критике войны. *Социология власти*, 35 (1): 93–117.

For citations:

Chaganova D. N. (2023) The Concepts of Violence and Peace in Feminist Critiques of War. *Sociology of Power*, 35 (1): 93–117.

Поступила в редакцию: 01.03.2023; принята в печать: 26.03.2023

Received: 01.03.2023; Accepted for publication: 26.03.2023